РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 29. 17-го Іюля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ достав. въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ПРОСЬБА ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ИЗДАНІЙ „РОДИНА“

Главная контора изданій «Родина» обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшей просьбой **прилагать ко всякаго рода письмамъ и переводамъ тотъ АДРЕСЪ**, который наклеивается на оболочку журнала. Если приложить этотъ адресъ не представляется возможнымъ, то убѣдительно просятъ проставлять слѣдующее: **номеръ, стоящій въ лѣвомъ верхнемъ углу адреса, и цифры тракта и мѣста**, стоящія въ **правой** сторонѣ адреса, т. е., дѣлать приблизительно такую надпись: **№. 15.275, тр. 30, м. 175.** Подобная надпись значительно облегчитъ всякаго рода справки, которыя приходится дѣлать конторѣ по заявленіямъ гг. подписчиковъ, и отъ успѣшности этихъ справокъ зависитъ быстрота выполненія просьбъ и заявленій гг. подписчиковъ.

Лѣтній день.

Жаръ свалилъ. Прохладой вѣетъ,
Искрится рѣка,
Даль небесная синѣетъ,
Рѣютъ облака.
Смотритъ яркое свѣтило
Съ высоты небесъ
И лучемъ позолотило
Рѣчку, поле, лѣсъ.
Лѣсъ шумитъ своей листвою,
Въ полѣ тишина,
На рѣкѣ одна съ другою
Катится волна.
Какъ шатры, стоятъ суслоны,
Что земля дала,
И чуть слышны перезвоны
Церкви изъ села.
Тишина. Куда ни взглянешь,—
Хорошо какъ жить:
Въ этотъ день невольно станешь
Божій міръ любить.

И. Е.

ЛѢТНІЯ КАРТИНЫ. Оригин. рис. Е. Степанова.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Салiаса.

(Окончаніе.)

LIII.

КНЯЗЬ Андрей Григорьевичъ положительно терялъ разсудокъ, оглядываясь и прислушиваясь кругомъ себя по всей Москвѣ.

— Ей-Бо[illegible], точно во снѣ все, — безпомощно повторялъ онъ себѣ самому.

Дѣйствительно, все приключившееся казалось сномъ по своему невѣроятію. Дѣвочка-дворянка съ огромнымъ состояніемъ сидѣла въ тюрьмѣ, именуемой „убогимъ домомъ“ и предназначенной для преступниковъ особаго рода, блаженныхъ и юродивыхъ, „мутящихъ“ народъ, и для колдуновъ и колдуній, взятыхъ за „дьявольское вредительство“ людей. Высвободить оттуда Мариночку оказывалось невозможнымъ. Дѣло не по днямъ, а по часамъ принимало все болѣе запутанный и преступный оттѣнокъ. По тому, какъ обращались съ княземъ всякіе дьяки, приказные и вообще судейскіе „ярыги“, онъ видѣлъ и будто самъ начиналъ понимать и сознавать, что преступленіе юной Зоричъ исключительно важное.

Изрѣдка, однако, князь говорилъ самому себѣ:

— Должно быть, и я свихнулся разсудкомъ, и мнѣ чертовщина въ голову полѣзла.

Свиданіе князя съ Батищевымъ, на которое, наконецъ, согласился сановникъ, окончательно убѣдило князя, что предъ нимъ стоитъ въ видѣ звѣря-дракона громадная судейская ябеда...

„Прямо апокалипсическій звѣрь со многими головами, ногами и хвостомъ“,—говорилъ князь самому себѣ.

Батищевъ объявилъ и объяснилъ князю то-же, что и Пѣсенниковъ, но въ болѣе рѣзкой формѣ. Дѣяніе молодой Зоричъ, по его мнѣнію, „было первостатейной важности, какъ-бы требующее доклада на высочайшее ея величества персональное воззрѣніе и аппробацію“. Судьи, ознакомившіеся со всѣмъ дѣломъ, т. е., со всѣмъ „происхожденьемъ преступленій и дѣйствій подсудной дворянки Маріанны Зоричъ“, считаютъ своимъ долгомъ ходатайствовать о примѣрномъ всенародномъ наказаніи преступницы. Для сего рѣшено просить аппробаціи казни, уже отмѣненной, а именно, ходатайствовать о разрѣшеніи сжечь колдунью на площади, какъ оное бывало въ прежнія времена во всѣхъ странахъ свѣта, а равно и въ Россіи.

Батищевъ, заявляя объ этомъ, очень смѣло вралъ, такъ какъ никакое подобное ходатайство предъ императрицей не было допустимо ни по закону, ни по разуму. А, между тѣмъ, князь, вѣроятно, уже нравственно усталый, умственно измученный всѣмъ, что пережилъ, повѣрилъ Батищеву.

Не зная, что сказать, онъ могъ только выговорить:

— Спасите, Андрей Григорьевичъ, спасите бѣдную дѣвочку... Возьмите половину всего ея состоянія и спасите!

— Я—не лихонмецъ, князь Андрей Григорьевичъ, — пренебрежительно отозвался Батищевъ,—и никакой причины вы не имѣете меня за такового принимать. Полагаю, что горестныя обстоятельства затмеваютъ ваши разсужденья и слова.

— Да, да, правда, затмеваютъ!— отозвался князь печально и безпомощно.

Но вдругъ въ головѣ его, невѣдомо почему и какъ, будто отъ толчка невидимой руки, просвѣтлѣло... Онъ сразу выпрямился, сурово поглядѣлъ на Батищева, чуть не грозно, и громко выговорилъ:

— Если Мариночка будетъ осуждена, то будетъ лишена всего своего имущества, всѣхъ вотчинъ?

— Понятное дѣло-съ,—какъ-то тихо, тоже будто сразу оробѣвъ, отвѣтилъ Батищевъ.

— А наслѣдникъ—кто?—еще грознѣе выкрикнулъ князь.

— Царица.

— Какъ царица?

— Такъ-съ... наслѣдуетъ казна... Какъ вымороченое.

— А не вы? не вы?—изумился князь.

— Никакъ нѣтъ-съ... Я вижу, къ чему вы гнете,— усмѣхнулся Батищевъ.—Вы ошибаетесь... Но... но, конечно... мнѣ, конечно, не запрещается закономъ заявить о своемъ родствѣ съ Зоричами и ходатайствовать... если на то будетъ милость государыни... Царица все можетъ. Я-же въ этомъ преступленіи, вѣдь, ни причемъ.

— Въ преступленіи... нѣтъ... А въ осужденіи... чтобы наслѣдовать?—вскрикнулъ князь.

— Богъ съ вами! Вы разумъ потеряли!—воскликнулъ, въ свою очередь, Батищевъ.

— Нѣтъ, обрѣлъ... не потерялъ... обрѣлъ! Сейчасъ вотъ обрѣлъ... заднимъ умомъ крѣпокъ я!—отчаянно закричалъ князь и поднялся съ мѣста.

— Извольте клеветать на меня заглазно, сколько вамъ угодно,—глухо отвѣтилъ Батищевъ, тоже вставая,—но въ глаза не извольте смѣть мнѣ эдакое сказывать.

— Я доведу это до Петербурга...

— Доводите... Вамъ отвѣтятъ, что я къ дѣлу Зоричъ не прикосновененъ и отъ суда отсторонилъ себя совсѣмъ въ качествѣ ея родственника. А теперь позвольте вамъ сказать „прощайте“ и надѣяться, что больше никогда не скажу вамъ „здравствуйте“.

И Батищевъ первый вышелъ изъ своей рабочей комнаты, оставивъ князя взволнованнаго, но и смущеннаго еще болѣе.

Вернувшись домой, князь, конечно, передалъ женѣ свое подозрѣніе:

— Все ведетъ Батищевъ, чтобы погубить Мариночку и чтобы наслѣдовать.

Между тѣмъ, въ домѣ была новость. Были, наконецъ, вѣсти о заключенной дѣвушкѣ. Въ домъ явилась Анна Тихоновна. Ее отпустили, не найдя за ней никакой вины, такъ какъ старая Козюля показала, что передала колдовскую траву прямо барышнѣ Зоричъ, а сама Мариночка этого не отрицала и, наоборотъ, созналась и разсказала, какъ, именно, получила любъ-траву отъ Козюли.

— Ничего съ ними сдѣлать нельзя, — заключила свой разсказъ Анна Тихоновна, горько плача.— Ничего не слушаютъ, въ глаза лгутъ и клевещутъ. Говорили мнѣ, что я сама будто показывала, что никогда Козюли въ глаза не видала, а ходила она къ Маріаннѣ Павловнѣ, у меня-же никогда не была. А на Патрикѣевну поклепъ взвели, что она будто разсказывала мнѣ, какъ ея дитятко колдовало надъ своимъ женихомъ и его извела. Бѣдная Патрикѣевна отъ поклепа разума лишилась и слова растеряла. Что ни говоритъ она, никто ничего понять не можетъ.

На разспросы о самой Мариночкѣ Анна Тихоновна объяснила, что дѣвушка стала совсѣмъ другая:

— Узнать нельзя. Что съ ней, Богъ вѣдаетъ! Похудѣла и побѣлѣла... Но это-бы не бѣда. А нравомъ чудна, все молится цѣлые дни... И сказываютъ сто-

рожа-солдаты, что она боится самой себя, все говоритъ: „я—колдунья!“. Другого слова нѣтъ. И ночью такъ-то кричитъ: „колдунья!“, и горько плачетъ...

Князь выслушалъ все, что могла передать Анна Тихоновна новаго о Мариночкѣ, а затѣмъ тихо, не сердясь, заявилъ ей, что, такъ какъ она, собственно, главная виновница всѣхъ бѣдъ, которыя стряслись на домъ, то онъ не можетъ допустить и мысли ея дальнѣйшаго пребыванія подъ одной кровлей съ нимъ.

— Ступайте съ сыномъ, куда хотите, — сказалъ онъ.—За мое добро вы мнѣ отплатили зломъ. Я совсѣмъ уже схлопоталъ усыновленіе Никуши, теперь мнѣ остается только заявить въ Петербургъ, что я беру свою просьбу назадъ. Уходите! Я буду вамъ платить, что вамъ слѣдуетъ.

Анна Тихоновна ничего не отвѣтила. Она, конечно, сознавала и не мало мучилась сама мыслью, что, дѣйствительно, была главной виновницей во всемъ.

Зато, если весь домъ, отъ князя до послѣдняго конюха, былъ смущенъ—въ квартирѣ Завьяловыхъ оказался безумно счастливый человѣкъ. Это былъ Никуша. Возвращеніе матери изъ приказа и сыска такъ подѣйствовало на молодого человѣка, что онъ то плакалъ, то смѣялся, то кричалъ, какъ ребенокъ, то кидался на мать, душилъ ее въ объятьяхъ, цѣловалъ и, снова разливаясь рѣкой, кричалъ:

— Маменька! Матушка! Грежу я или наяву все?.. Ты это? Ты? Скажи... Говори... Ты-ли?

На замѣчаніе Завьяловой, что она, помимо зла, причиненнаго Мариночкѣ, лишила и сына всего, что хотѣлъ сдѣлать князь, Никуша закричалъ:

— Не хочу! Ничего не хочу! Не надо мнѣ вашихъ Мариночекъ да вашего княжества... Ну, ихъ!.. Тебя мнѣ надо, тебя одну!

LIV.

Убійство несчастнаго нѣмца-доктора надѣлало, конечно, не мало шума въ городѣ, такъ какъ если у него не было близкихъ родныхъ и друзей, то было много паціентовъ, пожалѣвшихъ о себѣ, къ кому теперь въ случаѣ болѣзни обратиться за помощью?

На второй день послѣ преступленія явилась на дворъ запертаго „опальнаго“ дома пожилая женщина, стала разспрашивать про убійство и плакать, сожалѣя барина. Это была Лукерья. Зашедшій случайно изъ сыскного приказа подъячій сталъ разспрашивать женщину о томъ, что она думаетъ насчетъ преступленія, кто могъ его совершить? Лукерья заявила, что ничего не знаетъ и думать ни на кого не можетъ, а вотъ барышня-красавица, коли видѣла убійцъ, то должна знать.

— И то-то, небось, рада она теперь, что избавилась отъ моего барина!—вздохнула Лукерья.

И она разсказала, какъ „отвратенъ“ былъ убитый для барышни, которая сама „страсть втюримшись“ въ Миляя.

— Какого Миляя?

— Тотъ, что бывалъ у нея тайкомъ... Живетъ у князя Ягузинскаго, скороходомъ служитъ.

Показаніе женщины подъячій счелъ очень важнымъ, кликнулъ сосѣдняго бутаря и собственной властью тотчасъ-же арестовалъ ее и отправилъ въ приказъ.

Послѣдствія не заставили себя ждать.

Въ тѣ дни, когда полиція, сыщики и солдаты перестали уже являться въ домъ князя Ягузинскаго, такъ какъ сыскъ окончился, вдругъ однажды на дворѣ палатъ снова появились полицейскіе и взяли подъ стражу скорохода князя, по прозвищу Миляй.

Наутро его уже допрашивали подъ пристрастьемъ и онъ сразу повинился и разсказалъ все. Черезъ день была арестована Файка съ горничной Степанидой, жившая на „заѣзжемъ дворѣ“ и собиравшаяся хлопотать о выкупѣ себя на волю. Одновременно былъ взятъ и „оговоренный“ Абрамъ.

Дѣло объ убійствѣ нѣмца-доктора было для судей настолько не любопытно, что четверо заподозрѣнныхъ и засаженныхъ человѣкъ были помѣщены вмѣстѣ въ одной подвальной камерѣ. Послѣ ихъ допроса и сознанія, они были „отмѣчены“. Они узнали, что до нихъ дойдетъ чередъ невѣдомо когда—можетъ, черезъ годъ выйдетъ указъ объ отсылкѣ въ Сибирь.

Однако, „бывалая“ Степанида недаромъ, оказалось, хвасталась своими судейскими и тюремными познаніями. Вскорѣ всѣмъ четверымъ заключеннымъ жилось въ ожиданіи окончательнаго осужденія очень хорошо и даже весело, такъ какъ они пользовались изрѣдка изъ припрятанныхъ денегъ бѣднаго Зонста. Благодаря частымъ и щедрымъ подачкамъ, въ тюрьмѣ имъ стали позволять принимать родственниковъ и даже разрѣшили отлучаться въ городъ въ гости.

У Степаниды положительно оказалось какое-то таинственное покровительство, и такое сильное и властное, что вскорѣ, къ удивленію сторожей и солдатъ приказа, окончательный опросъ и рѣшеніе дѣла четырехъ преступниковъ, сознавшихся въ смертоубійствѣ нѣмца, были назначены не въ очередь, чтобы отвязаться отъ нихъ скорѣе „за малыми противъ нихъ уликами“, кромѣ ихъ сознанія.

Самая вѣская улика была только противъ Абрама, который, будучи поднятъ „на дыбу“ вскорѣ послѣ своего ареста, „не стерпя“, показалъ, что кошель принадлежитъ ему.

Теперь-же заподозрѣнный человѣкъ заявилъ, что кошель не его, что онъ все на себя наговорилъ „облыжно“, обвинилъ троихъ человѣкъ „неправедно“ и желаетъ принять „очистительную“ пытку. Вслѣдъ за Абрамомъ, остальные потребовали того-же.

При подобномъ окончательномъ допросѣ пускалось въ ходъ судьями все, что имѣлось у нихъ подъ руками для „острастки“. Если подсудимый выносилъ и троекратно подтверждалъ, что онъ себя „облыжно оговорилъ“, а въ дѣйствительности невиновенъ ни въ чемъ, то его немедленно „по очисткѣ“ отпускали на свободу.

Очистительныя пытки были измышленіемъ приказныхъ крючковъ-лихоимцевъ. Когда уличенный и во всемъ сознавшійся преступникъ находилъ нежданно средство откупиться, а избѣжать наказанія не было возможности, при всемъ желаніи судьи помочь обоюдному горю, переиначить все,—тогда прибѣгали къ очистительной пыткѣ.

Эту „очистительную“ пытку выработала судейская практика крючковъ-лихоимцевъ. Подсудимый самъ ея требовалъ, чтобы доказать свою невиновность.

Многіе и многіе наивные люди изъ преступниковъ шли на „очистку“, надѣясь ее вынести, но, конечно, не выносили, за исключеньемъ лишь богатырей сложеньемъ и здоровьемъ. Зато случалось часто, что самые слабенькіе, даже хворые преступники выносили все и уходили на свободу здоровехоньки.

При этомъ очистительныя мытарства,—„дыба“, кольца, „кобылки“, „подвѣсъ“, плети и кошки—все было искуснѣйшей комедіей, гдѣ участвовали лицедѣи — судьи, палачи и подсудимый.

Обученные, какъ дѣйствовать, Файка, Миляй, Абрамъ и Степанида, прежде чѣмъ потребовать „очистки“, заплатили крупный кушъ, который черезъ трое рукъ перешелъ къ главному предсѣдателю приказа.

Ради послѣдней очистительной пытки подсудимые были переведены въ другой приказъ на Варваркѣ.

Когда всѣ четверо очутились въ новомъ мѣстѣ заключенія, то случилось нежданное обстоятельство: Абрамъ и Миляй нашли въ приказѣ знакомаго.

Они ахнули и знакомый тоже ахнулъ. Это былъ разстриженный дьяконъ Ѳеофилъ.

Ѳеофилъ уже до ссоры съ Абрамомъ Башкировымъ былъ замѣченъ въ картежной игрѣ, и притомъ нечестной. Абрамъ, оказалось, уже не первый билъ дьякона, а бивали его и раньше. Всплывшій на свѣтъ этотъ случай, благодаря стараніямъ Миляя, получилъ ходъ и дьяконъ былъ разстриженъ.

Пострадавшій изъ-за двухъ молодыхъ людей и потерявшій свое мѣсто въ приходѣ Ѳеофилъ, чтобы не умереть съ голода на Москвѣ, пошелъ въ палачи въ Варварскій приказъ.

— Милости просимъ!—произнесъ Ѳеофилъ ухмыляясь.—Вы для очистки пожаловали?.. Ну, что-же, очистимъ.

Видъ и слова разстриги смутили Абрама и Миляя.

Отъ палача многое зависѣло, а въ иныхъ случаяхъ все зависѣло сполна—жизнь и смерть.

Судьи и приказные зачастую поручали простую очистку однимъ палачамъ. Тутъ не нужно было допрашивать, понуждать, ловить въ рѣчахъ и вообще ухищряться въ сыскѣ. Принявшій и даже потребовавшій очистительную пытку долженъ былъ только вынести ее и отрицать свою вину, заявляя, что все сказанное прежде показалъ облыжно.

Разумѣется, Миляй и Абрамъ тотчасъ-же распорядились и въ тотъ-же вечеръ пятьдесятъ рублей были взяты у Лисафы и переданы Ѳеофилу.

Черезъ два дня была „очистка“ подсудимаго. Миляй прошелъ первымъ и отчаянно кричалъ, затѣмъ потерялъ сознаніе, однако, успѣлъ на три вопроса: „стоишь-ли на своемъ?“, отвѣтить:

— Стою! Очищаюсь.

Однако, выйдя изъ застѣнка, онъ весело улыбался.

Когда наступилъ чередъ Абрама, а равно и женщинъ, судья отлучился обѣдать и оставилъ двухъ поддьяковъ. Но едва онъ ушелъ, какъ и они, въ свой чередъ, ушли, сказавъ Ѳеофилу:

ПРЕДЪ ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ. Съ рисунка **І. Альбрехтскирхингера.**

— Ну, ужъ ты самъ... Канитель одна! Вѣдь, сказано ихъ дѣло-то. Извѣстно всѣмъ, что сказано.

— Будьте спокойны, не въ первой. Попусту возжаться не буду.

Черезъ часа два, когда судья и поддьяки вернулись, покушавъ и отдохнувъ, и справились, очистили-ли себя второй подсудимый и женщины, то солдаты отвѣтили:

— Не вытерпѣлъ только молодецъ. Бабы ничего...

Абрамъ былъ уже мертвымъ тѣломъ.

Вызвали Ѳеофила и судья строго спросилъ:

— Какъ такъ? что это значитъ?

— Не могу знать, — отвѣчалъ палачъ.—Должно, хворъ былъ.

Судья не повѣрилъ, но развелъ руками.

„Дѣло не чисто! Да что подѣлаешь?“ — подумалъ онъ.

Солдаты приказа, которымъ наканунѣ Ѳеофилъ разсказалъ или проболтался, что онъ знаетъ двухъ вновь прибывшихъ молодцовъ, и пояснилъ, по какому поводу онъ ихъ знаетъ—всѣ до единаго рѣшили вопросъ по-своему:

— Ѳеофилъ съ молодцомъ посчитался за свое разстриженье... Не отлучися судья, былъ-бы онъ живехонекъ.

Въ тотъ-же вечеръ Лисафа, ожидавшая освобожденья сына и приготовившаяся дать угощенье на радостяхъ, узнала о его участи.

Башкирова упала въ обморокъ. Прійдя въ себя, она не вымолвила ни слова, тихо ушла изъ своей квартиры и пропала. Черезъ два дня ее нашли повѣсившеюся на чердакѣ.

Весь домъ ахнулъ... И весь домъ сказалъ:

— Подѣломъ... и ему, и ей... Господне наказанье...

LV.

Прошелъ годъ со дня пріѣзда въ Москву барышни Зоричъ, но она уже давно была на томъ свѣтѣ, скончавшись въ тюрьмѣ, послѣ одного изъ допросовъ насчетъ колдовства ея надъ женихомъ.

Сановникъ Батищевъ по закону наслѣдовалъ все огромное состояніе Зоричъ. Но онъ не удовольствовался тѣмъ, что передалъ ему бывшій опекунъ, а потребовалъ отчета и сталъ тягаться въ судѣ.

Все состояніе, до послѣдняго гроша, князя Андрея Григорьевича, — или, вѣрнѣе, остатки состоянія — ушло по суду въ возмѣщеніе всего растраченнаго имъ изъ состоянія его питомицы.

Палаты Ягузинскаго съ садомъ до Москвы-рѣки принадлежали тоже Батищеву.

Невдалекѣ отъ этого дома стоялъ родовой домъ дворянина Небольсина, но онъ принадлежалъ теперь княгинѣ Ягузинской, рожденной Небольсиной.

Князь Андрей Григорьевичъ, удрученный дѣломъ о питомицѣ Зоричъ, забылъ взять назадъ свое прошеніе объ усыновленіи бокового племянника, и оно было уважено вскорѣ-же.

— И слава Тебѣ, Господи, что забылъ! — говорилъ князь теперь.

Появившіеся въ Москвѣ Небольсины, узнавъ, что бывшій предметъ любви ихъ дочери именуется княземъ Никитой Григорьевичемъ Ягузинскимъ, конечно, согласились на моленіе дочери, попрежнему любившей Никушу.

Въ домѣ жены князя Никиты жила всѣми обожаемая, сильно постарѣвшая Анна Тихоновна. Вмѣстѣ съ ней жили у князя въ качествѣ родственниковъ, но, собственно, „на хлѣбахъ“ и на содержаніи, разорившіеся Андрей Григорьевичъ и Елисавета Петровна, причемъ „ластились“ къ матери племянника князя Никиты.

— Я не мой и не женинъ,—нѣжно говорилъ Никуша, — я маменькинъ. И все счастье мое земное — маменька!

КОНЕЦЪ.

СТРАННАЯ НАХОДКА. Съ картины **А. Неогради**.

НА ОКРАИНѢ.

Очеркъ Е. Лазореваго.

(Окончаніе.)

Бѣлыя фуражки студентовъ мелькали тамъ и сямъ. На лицахъ многихъ изъ присутствовавшихъ были замѣтны сосредоточенность и ожиданіе.

Старый пасторъ, увидѣвъ изъ окна, что слушателей собралось достаточно, медленно вышелъ на крыльцо и, молитвенно сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, проговорилъ:

— Миръ вамъ, дѣти!

Слушатели наклонили молча головы, вмѣсто отвѣта.

Хорстъ сѣлъ въ кресло, раскрылъ предъ собою на столѣ толстый томъ Библіи и, прочитавъ нѣсколько строфъ изъ пророка Іереміи, отложилъ книгу въ сторону.

Онъ началъ тихо говорить. Опытный старикъ не хотѣлъ сразу расходовать свои старческія голосовыя средства, сознавая необходимость подъема въ концѣ своей проповѣди. Темой для нея онъ взялъ слова пророчества: «И придетъ на насъ народъ съ сѣвера, онъ опустошитъ нашу землю и не останется въ живыхъ ни людей, ни скота»...

Хорстъ говорилъ на финскомъ языкѣ; пророчество Іереміи относилось къ Іудѣ, но почти каждый изъ присутствовавшихъ догадывался, что подъ народомъ, идущимъ съ сѣвера, старый Хорстъ подразумѣваетъ Россію.

Голосъ пастора звучалъ все крѣпче и слышнѣе; нельзя было вѣрить, что это говоритъ семидесятилѣтній старикъ. Толпа затаила дыханіе и слушала, стараясь не проронить ни слова: на глазахъ нѣкоторыхъ были слезы, въ особенности плакали женщины.

— О чемъ онъ говоритъ?—шепотомъ спросилъ свою спутницу художникъ, увлеченный этою народною сценой.

— Онъ разъясняетъ одно пророчество изъ Библіи,— коротко отвѣтила ему Эдвигъ...

Фейерабендъ не сталъ разспрашивать ее далѣе и, пользуясь тѣмъ, что на него никто не обращалъ вниманія, сталъ зачерчивать въ альбомъ болѣе типичныя фигуры и постановку группъ.

Хорстъ скоро кончилъ, но слушатели не расходились и передавали другъ другу свои замѣчанія.

Старикъ пасторъ оставался сидѣть за столомъ и медленно перелистывалъ Библію.

На крыльцѣ показался Хельстремъ. Спокойно подошелъ онъ къ столу, оперся на него лѣвою рукою и началъ медленно говорить по-шведски.

Слушатели на этотъ разъ еще больше примолкли; казалось, что на лужайкѣ никого не было. Вниманіе всѣхъ было напряжено до послѣдней степени. Немного понимавшій по-шведски художникъ тоже заинтересовался рѣчью Хельстрема и, спрятавъ альбомъ, началъ внимательно слушать.

— Друзья мои, мои братья! вы слышали сейчасъ разъясненія пророчества Іереміи, тяжелая доля выпала многострадальному народу израильскому. Пророчество сбылось — разсѣянъ по всему свѣту, какъ осенніе листья, избранный Богомъ народъ. Не то-ли самое видимъ мы здѣсь? Не то-ли самое происходитъ съ дорогимъ для каждаго изъ насъ роднымъ краемъ, нашей Суоми? Какъ листья, разсѣяны ея лучшіе сыны, ея гордость. Гдѣ они? Одни томятся въ изгнаніи за родными предѣлами, другіе высланы далеко въ сибирскія тундры, третьи сидятъ въ заключеніи. За что, за что послѣдовала имъ такая кара? Скажите мнѣ!

Хельстремъ сразу оборвалъ рѣчь и обвелъ присутствовавшихъ глазами. Водворилось на минуту жуткое молчаніе.

— Я вамъ скажу, за что! — болѣе твердо проговорилъ пасторъ. — За то, что они не хотѣли покориться русскому произволу, тираніи, смѣло смотрѣли русскимъ варварамъ въ лицо и твердо сказали имъ рѣшительное слово. Да, они сдѣлали это и поплатились своею свободою, своимъ чувствомъ къ порабощенной родинѣ. Наши сыны гибнутъ далеко на Востокѣ, отосланные туда русскими; они борются тамъ противъ высококультурной азіатской державы, защищая интересы дикой, варварской страны, которой не мѣсто среди просвѣщенныхъ странъ Западной Европы. До сихъ поръ мы, какъ честные культурные люди, примѣняли благородный способъ протеста и пассивное сопротивленіе, но на русскую грубую натуру, на эту малопросвѣщенную націю этотъ протестъ не производитъ никакого впечатлѣнія. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, стойко боремся за наши законы, а намъ хотятъ насадить вмѣсто «правопорядка» традиціонный русскій произволъ и беззаконіе. Что мы должны предпринять, гдѣ найти защиту противъ варварскаго врага?—Хельстремъ вторично умолкъ на мгновеніе. — Творецъ испытываетъ наше терпѣніе, нашу покорность Его святому промыслу... это такъ. Но, — тутъ говорившій высоко поднялъ руку, — въ правѣ-ли вы жертвовать своею отчизною, ея лучшими сынами и покоряться грубому произволу? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! — громко крикнулъ Хельстремъ.—Онъ, Творецъ, самъ далъ оружіе въ руки Іисуса Навина и повелѣлъ ему напасть на амалекитянъ. Не указываетъ-ли намъ этотъ примѣръ, что намъ дѣлать, что мы должны предпринять?

Среди слушателей послышалось тихое одобреніе.

— Вы согласны со мной, вы чувствуете справедливость моихъ словъ? — довольный одобреніемъ, продолжалъ пасторъ, — и вы скоро услышите о новомъ Навинѣ, о мощномъ активномъ протестѣ. Пора, Суоми стонетъ, страна гибнетъ, скоро она превратится въ простую русскую провинцію, въ грязное гнѣздо русской дикости и произвола!

Хельстремъ закончилъ на высокой нотѣ, голосъ его чуть задребезжалъ на ней, но не оборвался.

Поклонившись слушателямъ, онъ отодвинулся шага на два отъ стола и застылъ въ картинной позѣ бойца-оратора.

Къ нему подошли нѣкоторые изъ интеллигентовъ, жали ему руки и горячо выражали пастору свое сочувствіе; простой народъ угрюмо молчалъ.

— Вы — нашъ Навинъ!—шепнула Эллина, подойдя вплотную къ оратору.

Пасторъ отрицательно кивнулъ головою; на лицѣ Эллины показалось изумленіе, она заранѣе предназначила ему роль передового борца за родную страну.

XIV.

Художникъ, оглянувшись вокругъ себя, не нашелъ своей спутницы. Эдвигъ тоже стояла около Хельстрема и что-то оживленно ему говорила.

— Не грежу-ли я, въ самомъ дѣлѣ? — спрашивалъ самъ себя Фейерабендъ, — неужели возможна подобная рѣчь въ странѣ, гдѣ все зависитъ отъ русскихъ?

Собравшіеся стали расходиться.

Оба пастора оживленно бесѣдовали съ окружавшею ихъ небольшою кучкою горожанъ. По оживленнымъ жестамъ бесѣдовавшихъ было замѣтно, что они серьезно обсуждали слова Хельстрема.

Не желая выдѣляться на опустѣлой лужайкѣ, художникъ выбрался за ограду пастората и сѣлъ на камнѣ, ожидая свою спутницу. До него доносился мѣрный прибой моря; вѣтеръ стихъ. Между рѣдкими стволами сосенъ виднѣлась сѣровато-зеленая поверхность водной стихіи.

Время близилось къ шести часамъ.

«Въ восемь на эспланадѣ музыка,—почему-то вспомнилось Фейерабенду.—Пойду домой, напьюсь чаю и отправлюсь на эспланаду».

Наконецъ, на дорожкѣ, ведущей изъ пастората, показалось свѣтлое платье фрэкенъ Янса. Она шла, одушевленная какой-то мыслью, съ блестящими глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Фрэкенъ Янса! — окликнулъ ее художникъ, когда, не замѣтивъ сидящаго, Эдвигъ прошла мимо него.

Она вздрогнула и обернулась.

— Вы все еще здѣсь? — изумилась дѣвушка.—Я думала, что вамъ надоѣло слушать и вы ушли еще во время проповѣди пастора Хорста.

— Нѣтъ, я слышалъ и понялъ все, что говоритъ Хельстремъ,—отвѣтилъ художникъ, дѣлая удареніе на словахъ «понялъ все»

Эдвигъ поблѣднѣла.

— Поняли все?—изумленно протянула она.—Что-же вы скажете о рѣчи господина пастора?

— Вы хотите знать правду?—пытливо глядя на Эдвигъ, спросилъ художникъ.

— Да,—коротко произнесла она,—правду.

Фейерабендъ задумчиво провелъ рукою по бородѣ.

— Вашъ Хельстремъ—не искренній человѣкъ и превосходный актеръ. Я не знаю, что его заставляетъ разыгрывать подобную роль патріота, но, во всякомъ случаѣ, не любовь къ родинѣ.

Эдвигъ гнѣвно сдвинула брови при первыхъ словахъ молодого человѣка, но, она превозмогла себя и спросила:

— Что-же иное?

Художникъ усмѣхнулся.

— Расчетъ, отлично обдуманный! Вы мнѣ не вѣрите,— продолжалъ онъ,—но убѣдитесь въ этомъ, несомнѣнно.

— Никогда! Пасторъ Хельстремъ—искренне убѣжденный человѣкъ. Я вѣрю ему, вамъ не разубѣдить меня никогда. Развѣ онъ говорилъ неправду о деспотизмѣ Россіи? развѣ мы можемъ быть спокойными за нашу будущность?—горячо возражала Янса.

— Вашъ Хельстремъ говорилъ завѣдомую, хорошо подтасованную ложь и это вполнѣ входило въ его интересы. Онъ— не природный финнъ, а шведъ.

— Это ничего не значитъ: финны, шведы, всѣ мы родились здѣсь, въ Финляндіи, она—наша родина, мы всѣ одинаково ее любимъ и готовы всѣмъ жертвовать для нея.

— Даже спокойствіемъ страны, даже матеріальными ея выгодами, извлекаемыми ею отъ единенія съ Россіею?

— Вы не правы, вы смотрите на все, какъ чужестранецъ, какъ посторонній, пришлый человѣкъ,—сердилась Эдвигъ.

Дойдя до города, она холодно распрощалась со своимъ спутникомъ и пошла одна...

— Куда вы запропали?—встрѣтилъ художника Окатовъ въ корридорѣ отеля,—я васъ искалъ, искалъ и не могъ найти; интересный представлялся случай сдѣлать наблюденіе надъ пресловутою честностью и лояльностью финновъ. Теперь уже поздно! А гдѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, побывали?

Фейерабендъ не рѣшался разсказать Окатову о только что выслушанномъ имъ воззваніи сепаратистовъ.

— Гулялъ за городомъ,—отвѣтилъ онъ русскому

— Какъ жаль, что вы не сходили въ пасторатъ, тамъ предполагалась какая-то бесѣда, говорятъ, очень интересная.

Художникъ, однако, сдержалъ себя и не выдалъ Окатову тайны собранія у пастора.

XV.

Несмотря на небольшую размолвку съ художникомъ, Эдвигъ на другой день пришла на опушку къ старой кузницѣ для позированія, но не застала тамъ художника. Тщетно прождавъ Фейерабенда на назначенномъ мѣстѣ, взволнованная его отсутствіемъ дѣвушка зашла въ гостиницу. Но художника и тамъ не было. Эдвигъ нашла его у моря въ скалахъ.

— Отчего вы не пришли сегодня писать вашу картину?—съ легкимъ укоромъ спросила его Эдвигъ,—я прождала васъ болѣе часа.

Молодой человѣкъ былъ смущенъ ея словами. Эдвигъ не упрекала его, но какъ-то просительно напоминала о его забывчивости. Въ голосѣ ея слышалась боязнь.

Фейерабенду стало жаль Эдвигъ. Въ эту минуту онъ снова забылъ о своемъ намѣреніи держаться съ нею холодно и далеко, забылъ и о вчерашнемъ спорѣ.

— Простите, фрэкенъ Эдвигъ, моя вина тутъ очевидна, я совершенно забылъ.

— А завтра вы придете?—перебила его дѣвушка, точно не желая слушать его извиненія и жадно ожидая благопріятнаго отвѣта.

— Непремѣнно. Еще разъ прошу меня извинить за мою глупую забывчивость.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы глаза Эдвигъ засверкали и лицо покрылось густымъ румянцемъ. Она сейчасъ-же ушла въ магазинъ, точно опасаясь, что художникъ возьметъ обратно высказанное имъ согласіе продолжать писать съ нея картину.

Фейерабендъ исполнилъ свое обѣщаніе. На другое утро онъ былъ на опушкѣ раньше назначеннаго времени.

Сеансы продолжались. Терпѣливо выстаивала фрэкенъ Янса въ своей неудобной позѣ каждый разъ, пока самъ художникъ не говорилъ ей:

— Ну, на сегодня, фрэкенъ Эдвигъ, довольно, поболтаемте немного.

Молодые люди садились на большой камень и начинали разговаривать.

Какимъ-то чисто-женскимъ чутьемъ дѣвушка понимала, что вся ея восторженность, всѣ ея мечты о сепаратизмѣ, о внутренней политикѣ страны непріятны ея собесѣднику, и старалась ихъ избѣгать. Они говорили больше всего объ искусствѣ, о задачахъ и всѣхъ его проявленіяхъ. Темъ для разговора было много и помимо политики; ярую руссофобку, убѣжденную сепаратистку трудно было и узнать — съ Фейерабендомъ разговаривала дѣвушка, прекрасно образованная, начитанная, серьезно любящая искусство; всѣ навязанныя ей матерью, школой и партіей политическія идеи точно отпадали во время ихъ бесѣды.

Художникъ забылъ осторожность и не на шутку почувствовалъ влеченіе къ Эдвигъ. Частыя встрѣчи, иногда нѣсколько въ теченіе дня, помогали сближенію между ними.

— Ну, что, не послѣдовали моему совѣту, увлеклись женской юбкой и попали въ финскій силокъ?—по своему обыкновенію, грубовато-откровенно замѣтилъ Фейерабенду Окатовъ, встрѣтивъ его на эспланадѣ.—Каяться будете, меня вспомните.

— Пустяки вы говорите, Валерьянъ Аркадьевичъ,—горячо возразилъ художникъ.—Простую симпатію вы сейчасъ-же принимаете за увлеченіе.

— Те-те-те, знаемъ мы эту симпатію, сами бывали въ такомъ передѣлѣ.

— Развѣ нельзя симпатизировать дѣвушкѣ, разговаривать съ нею объ искусствѣ и въ то-же время не увлекаться ею, какъ женщиною, какъ существомъ другого пола?

— Вотъ эти-то «искусственные» разговоры и заманятъ васъ, какъ птичку—невинно, но предумышленно разсыпанныя зерна, въ силокъ,—не унимался Окатовъ.—а тамъ и политика, возвышенныя чувства къ родинѣ, сепаратизмъ, все пойдетъ въ ходъ. Я знаю!

— Ну васъ!—съ легкимъ смущеніемъ проговорилъ молодой человѣкъ,—вы еще скажете, что я самъ скоро обращусь въ убѣжденнаго сепаратиста-финна.

— Это несомнѣнно и въ недалекомъ будущемъ. Лучше бросьте, пока еще есть время всю эту канитель, ныряйте на куковской яхточкѣ между волнами, это здоровѣе, чѣмъ добровольно вливать въ себя ядъ близости къ красивой сепаратисткѣ.

Пріятели разстались.

Несмотря на свои возраженія Окатову, художникъ смутно сознавалъ всю его справедливость относительно своего увлеченія Эдвигъ отрицая всѣ замѣчанія его о непремѣнной измѣнѣ своимъ политическимъ убѣжденіямъ подъ вліяніемъ фрэкенъ Янса. Онъ чувствовалъ, что привязанность его къ молодой дѣвушкѣ все крѣпнетъ, все крѣпнетъ—еще нѣсколько времени, и она превратится въ любовь. Бороться онъ, сильный человѣкъ, не могъ, ясно замѣчая, что Эдвигъ переживаетъ такое-же чувство къ нему, какъ и онъ къ ней...

Силокъ—хотя Фейерабендъ и не признавалъ въ ихъ любви чего-либо насильственнаго—подготовленнаго—все больше и больше затягивался, выходъ изъ этого положенія чуть замѣтнымъ просвѣтомъ отходилъ все далѣе и далѣе. Точно не сознавая опасности, они оба стремились другъ къ другу.

XVI.

— Гдѣ вы пропадаете, фрэкенъ Янса?—шутливо замѣтилъ пасторъ Хельстремъ, встрѣтивъ дѣвушку на улицѣ городка:—я нѣсколько разъ заходилъ къ вамъ въ магазинъ въ самое торговое время и не могъ васъ застать.

— Вѣроятно, господинъ пасторъ, я уходила по дѣлу,—смущенно отвѣтила Эдвигъ.

— Мнѣ нужно вамъ передать кое-какія важныя свѣдѣнія, полученныя отъ нашихъ друзей изъ Стокгольма.

Они вошли въ заднюю комнату при магазинѣ и Хельстремъ подробно передалъ хозяйкѣ полученныя вѣсти. Эдвигъ слушала его разсѣянно: несмотря на все желаніе сосредоточиться, мысли ея были далеко отсюда, у старой кузницы въ лѣсу.

Пасторъ замѣтилъ ея разсѣянность.

— Что съ вами, фрэкенъ Янса, вы больны?—спросилъ онъ съ участіемъ.

— Немного голова болитъ.

— Вы прилягте. Надѣюсь, что вы поняли и оцѣнили тѣ свѣдѣнія, которыми я съ вами сейчасъ подѣлился,—и, не дожидаясь ея отвѣта, онъ вышелъ изъ магазина.—Теперь я иду съ этою-же цѣлью къ фру Хольмъ,—сказалъ онъ, спускаясь съ крыльца.

Эдвигъ была рада его уходу—ей нужно было торопиться къ художнику, пасторъ ее и такъ задержалъ.

Сегодня ни ей, ни Фейерабенду не было времени утромъ.

«Приходите, фрэкенъ Эдвигъ, подъ вечеръ, солнце заходитъ поздно,—предложилъ художникъ,—я сравню утреннее освѣщеніе съ вечернимъ и, можетъ быть, отдамъ преимущество послѣднему».

— Половина восьмого,—испуганно прошептала дѣвушка,—онъ меня ждетъ уже давно!—и она быстро пошла по направленію къ лѣсу.

Художникъ былъ уже тамъ. Онъ сейчасъ-же принялся за работу.

— Не ладится что-то сегодня, не охота работать. Пройдемтесь лучше по лѣсу, Эдвигъ!—и онъ принялся складывать свои принадлежности.

«Эдвигъ!—радостно откликнулось въ сердцѣ дѣвушки,—онъ меня назвалъ не «фрэкенъ», а просто Эдвигъ!»

Молодые люди вошли подъ прохладные своды еловаго бора. Несмотря на свѣтлые весенніе вечера, здѣсь было темно, солнце только кое-гдѣ наискось пронизывало густую хвою.

Они молча шли по мягкому ковру мха. Лѣсъ таинственно молчалъ, его обитатели уже замолкли, чувствуя близость ночи.

Тишина, сумракъ, отчужденность отъ цѣльнаго міра больше всего способствуютъ сближенію. Нервы обоихъ молодыхъ людей были неестественно приподняты, усиленно скрываемыя другъ къ другу чувства рвались наружу.

Они не находили словъ для разговора: сердца обоихъ усиленно бились. Безсознательно чувствуя неизбѣжность развязки, ни художникъ, ни Эдвигъ не хотѣли о ней думать и, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, шли все глубже въ чащу, не замѣчая цѣплявшихся за ихъ платье кустарниковъ.

— Эдвигъ! — какъ-то неестественно глухо, точно спазмы сжимали ему горло, проговорилъ художникъ.

Она послушно, безъ словъ послѣдовала его призыву...

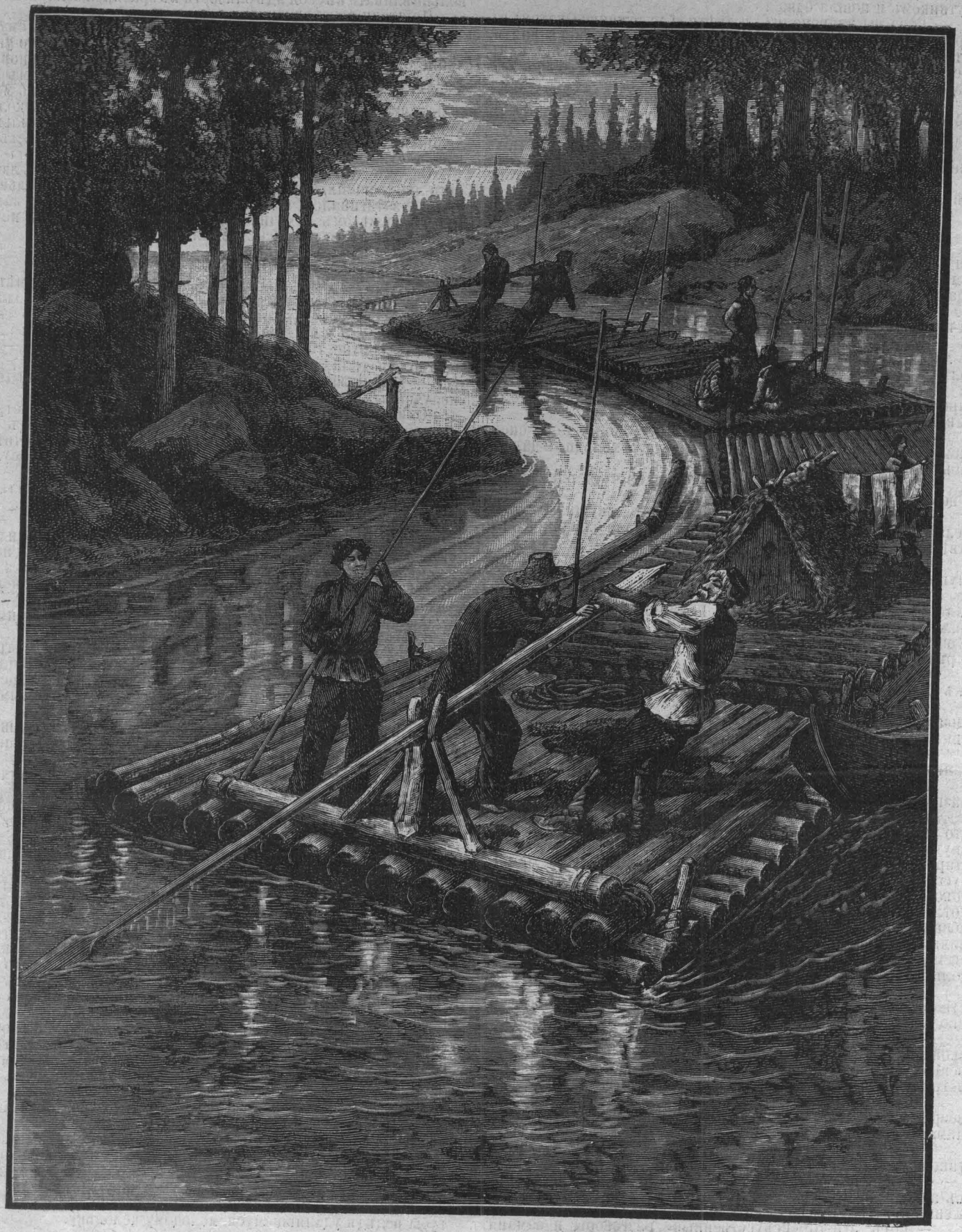
Ни упрека, ни жалобы не услышалъ отъ нея Фейерабендъ. Лицо ея расцвѣло отъ счастья, когда, прощаясь съ художникомъ, она жадно поцѣловала его въ послѣдній разъ.

— До свиданья, дорогой, милый! — беззвучно шептали ея губы вслѣдъ удалявшемуся молодому человѣку.

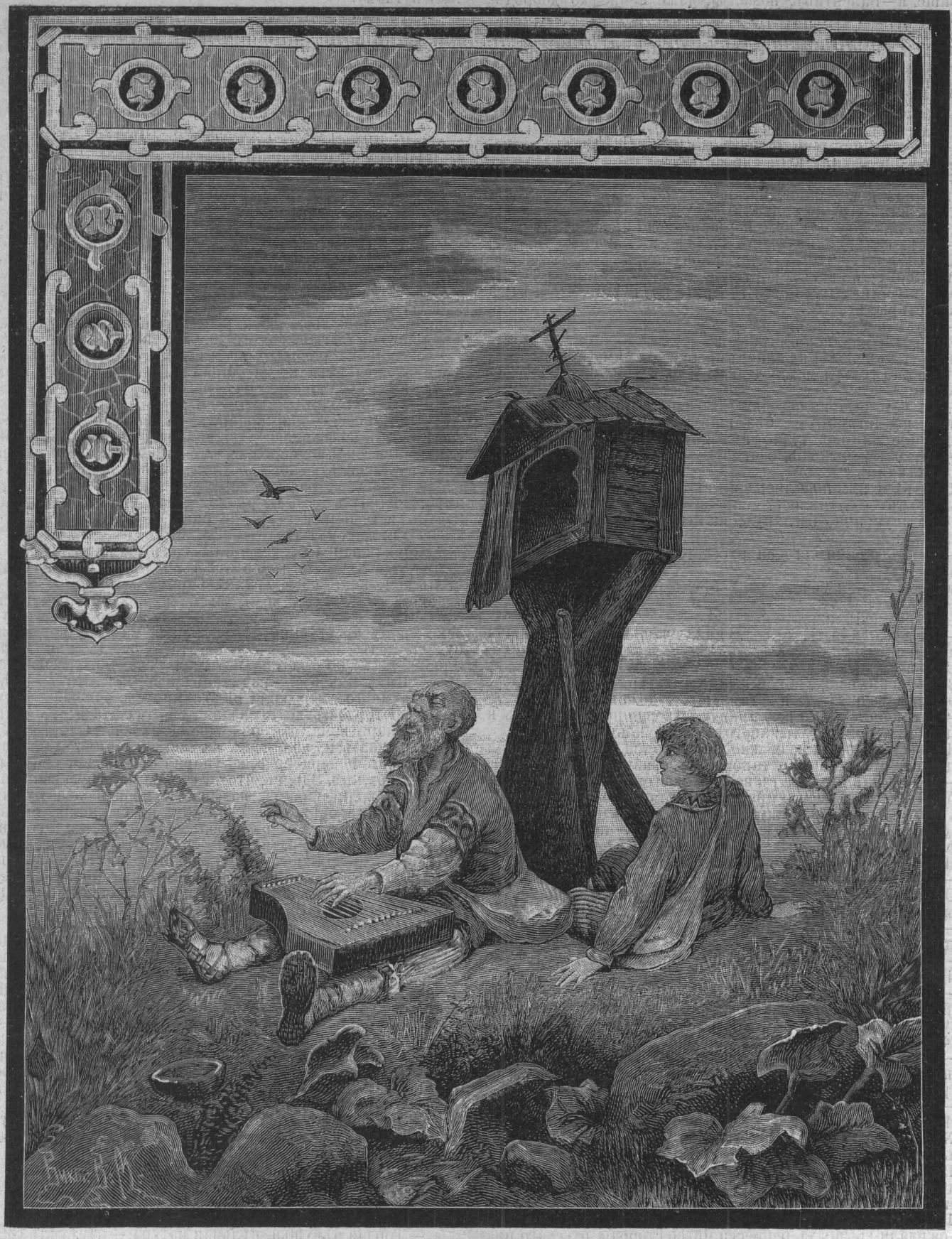
XVII.

Не такъ легко было на сердцѣ у Фейерабенда, укоры совѣсти промучили его всю ночь.

Самъ того не замѣчая, онъ виновато взглянулъ на Окатова, встрѣтившись съ нимъ на другой день за завтракомъ въ столовой отеля.



НА ПЛОТАХЪ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга**; гравир. для „Родины“ **Б Пуцъ**.



ПѢСНЯ. Оригин. рисун. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

— Ну что, Фаустъ, какъ дѣла съ Маргаритой?—съ усмѣшкой спросилъ его послѣдній.

— Молчите, Мефистофель!

— Это я-то—Мефистофель? Благодарю, но отклоняю это прозвище, я—Валентинъ, пожалуй, даже немножко добродѣтельный Зибель. Вспомните мои слова. Если у васъ нѣтъ никакихъ особенныхъ предначертаній на сегодня, отправимся погулять. Я расположенъ сегодня подышать ароматомъ лѣса.

— Я не прочь, отчего-же.

Пріятели пошли по дорогѣ, ведущей мимо пастората. Знакомаго ему лѣса художникъ тщательно избѣгалъ.

— Кончаете картину?—спросилъ Окатовъ.

— Не совсѣмъ еще, хотя остались пустяки дописать.

— Какъ окончите ее, закрывайте глаза и бѣгите отсюда.

— Куда, позвольте васъ спросить?

— Куда хотите, только вонъ изъ этого городка, подальше отъ этого яда, пока еще не поздно.

Художникъ угрюмо молчалъ.

— А если... уже поздно?—нерѣшительно прошепталъ онъ.

— Вотъ какъ!—окинувъ его взглядомъ съ ногъ до головы, сказалъ Окатовъ.—Что-же, и тогда мой совѣтъ—бѣжать, скорѣе бѣжать. Чертъ съ ней, съ картиной, бросьте и удирайте!

— И вы мнѣ серьезно это говорите послѣ того, что я вамъ сейчасъ открылъ?

— Шутить я не люблю...

Они возвращались въ городокъ тою-же дорогой.

Нѣсколько человѣкъ финновъ пробѣжали мимо нихъ, о чемъ-то оживленно толкуя между собою, и скрылись за изгородью пастората.

— Съ чего это они сегодня такъ забѣгали, засуетились?—пытливо посмотрѣвъ на бѣжавшихъ, замѣтилъ Окатовъ.—Обыкновенно они всѣ, точно замаринованные, еле двигаются.

— Не знаю,—разсѣянно отвѣтилъ погруженный въ свои думы художникъ.

Навстрѣчу имъ попались еще нѣсколько бѣгущихъ.

— Что такое случилось?—спросилъ ихъ по-фински русскій.

Финнъ сумрачно взглянулъ на него и торопливо бросилъ ему на-ходу:

— Въ Гельсинки сегодня русскаго генералъ-губернатора убили.

Если-бы молнія упала сразу предъ русскими, то не изумила-бы ихъ болѣе.

Убитъ русскій правитель края!

— Не можетъ быть, это—глупая, злая выдумка!—горячо сказалъ Фейерабендъ и хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за финномъ, чтобы разспросить его.

Впереди нихъ показалась изящная фигура Эллины Хольмъ.

Окатовъ вздрогнулъ и остановилъ художника.

— Я сейчасъ узнаю всю правду,—твердо произнесъ онъ и мѣрными шагами пошелъ навстрѣчу фру Хольмъ.

Не предвидѣвшая возможности подобной встрѣчи молодая женщина нерѣшительно остановилась, сразу узнавъ русскаго.

— Я рѣшилъ никогда съ вами не разговаривать, Эллина,—стараясь сдержать себя и пристально глядя на нее, проговорилъ Окатовъ,—но въ данную минуту я вынужденъ нарушить свое слово. Скажите мнѣ—вы знаете правду,—неужели убитъ генералъ-губернаторъ?

По лицу Эллины пробѣжала еле замѣтная усмѣшка.

— Это—правда, онъ убитъ сегодня въ сенатѣ, на лѣстницѣ...

Окатовъ закрылъ лицо руками, изъ груди его вырвался тяжелый вздохъ, между пальцами показались слезы.

— Слѣпые, жалкіе убійцы! какимъ бѣдамъ обрекаете вы Финляндію!

— Мы ведемъ ее къ свободѣ, снимаемъ съ нея цѣпи Россіи.

— Нѣтъ, напротивъ того, вы опутываете ее сѣтью интригъ, вносите въ нее злодѣянія. «Поднявшіе мечъ отъ меча и погибнутъ»!—пророчески сказалъ Окатовъ.—Оторвать маленькую Финляндію отъ Россіи невозможно.

— Довольно наслушалась я вашихъ пустыхъ бредней,—злобно сверкнувъ глазами, проговорила молодая женщина и быстро прошла мимо.

— Все та-же убѣжденная сепаратистка! Ненависть ея къ Россіи еще болѣе усилилась,—проговорилъ Окатовъ.

Художникъ молча присутствовалъ при ихъ разговорѣ, онъ былъ пораженъ не менѣе своего пріятеля.

Въ городкѣ чувствовалось необычайное оживленіе; повсюду собирались кучки горожанъ, обсуждали только что полученную вѣсть.

Большая часть «старой», умѣренной, партіи была поражена. Всѣ ожидали грозныхъ репрессалій со стороны русскаго правительства. Меньшинство, сторонники «молодой» партіи, шумно выражало свою радость и чуть не въ глаза смѣялось надъ русскими.

— Нѣтъ, пріятель, здѣсь оставаться намъ неудобно. Ѣдемте сегодня!—сказалъ Окатовъ.

— Но я долженъ сперва объясниться съ Эдвигъ,—нерѣшительно замѣтилъ Фейерабендъ.

— Хорошенькое-же время вы выбрали для объясненій! Ступайте скорѣе, хотя эти объясненія едва-ли приведутъ къ чему путному.

Художникъ отправился.

Фрэкенъ Янса, чрезвычайно оживленная, весело встрѣтила его въ магазинѣ.

— Слышали новость? Точно труба архангела, прогремитъ она теперь по всей странѣ. Суоми освободилась отъ русскаго произвола, ея сыны ликуютъ!

Печально посмотрѣлъ на дѣвушку Фейерабендъ и отвѣтилъ:

— Пролитая кровь падетъ на убійцъ тяжелымъ проклятьемъ и вся страна поплатится за это злодѣйское дѣло!

Эдвигъ съ изумленіемъ слушала художника.

— И это говорите вы, человѣкъ, чуждый варварской странѣ, ея произволу, ея идеямъ порабощенія!—съ упрекомъ обратилась она къ художнику.

— Я говорю только то, что подсказываютъ мнѣ моя честь, здравый смыслъ, мое сердце, — твердо отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— То самое сердце, которое меня любитъ, тотъ самый языкъ, который мнѣ такъ страстно шепталъ слова любви.

— Ты права, Эдвигъ, это сердце не перемѣнилось, но, любя тебя, оно еще больше любитъ ту, которая съ самаго дня рожденія должна быть ему всего дороже, свою родину!

Съ широко раскрытыми глазами смотрѣла дѣвушка на любимаго человѣка; неожиданная мысль заставила ее вздрогнуть, она глухо спросила Фейерабенда:

— Вы—русскій?

— Да, Россія—моя родина, она мнѣ дорога, я не могу снести, если на нее возводятъ напраслины и лживые навѣты.

Эдвигъ, видимо, боролась со своимъ чувствомъ. Прекрасный сонъ исчезъ, голая дѣйствительность стояла предъ нею.

— Эдвигъ,—страстно сказалъ художникъ,—уѣдемъ отсюда вмѣстѣ, клянусь тебѣ, ты вѣчно будешь моею любимой женою. Забудь всѣ политическія интриги, борьбу партій, это—не арена для женской дѣятельности.

Задумавшаяся фрэкенъ Янса продолжала молчать.

— Вѣрь, Эдвигъ, весь этотъ горделивый бредъ сепаратистовъ исчезнетъ, какъ туманъ. Страна навсегда останется въ единеніи съ Россіей и волнуемый теперь вами финскій народъ забудетъ о васъ, когда русская власть дастъ каждому безземельному крестьянину собственный надѣлъ, когда онъ не будетъ болѣе батракомъ у богатаго шведа или пастора... Эдвигъ, послѣдній разъ прошу тебя, уѣдемъ отсюда!

— Нѣтъ, никогда! — надменно прозвучалъ отвѣтъ дѣвушки.

Она многое пережила въ эти минуты: она любила художника, но гордость не позволяла ей отказаться отъ завѣтной идеи сепаратизма, которая вошла въ ея плоть и кровь. Не желая сознаться, она, тѣмъ не менѣе, понимала справедливость словъ Фейерабенда, но упорно отстаивала свою цѣль.

— Вѣрь мнѣ, Эдвигъ, что та страна, которую ваша партія ненавидитъ, презираетъ, называетъ варварской, будетъ самымъ яркимъ свѣточемъ культуры, просвѣщенія, искусства. Этотъ свѣточъ все больше и больше разгорается и освѣщаетъ тьму. Не вамъ, сепаратистамъ, затемнить его, не говорю уже затушить. Миссія моей родины велика, Россія прошла и проходитъ годы испытаній и въ нихъ, какъ въ горнилѣ, «очистится отъ скверны». Завидный удѣлъ предназначенъ ей среди другихъ народностей. Не долго осталось еще ждать.

Эдвигъ, точно очарованная, слушала его слова и не спускала взгляда съ говорившаго. Въ ея душѣ боролись сомнѣнія со внушенными ей идеями, одно время она готова была броситься на шею художнику и сказать ему: «вотъ я! веди меня съ собою! я раздѣлю твои воззрѣнія, твою увѣренность, я люблю тебя», но гордость не позволила ей высказаться.

Переборовъ себя, она выпрямилась во весь ростъ и смѣло тряхнула головою.

— Прощай! Мы больше съ тобой не увидимся никогда, — звонко проговорила дѣвушка, обращаясь къ художнику, и, чтобы не выказать ему своей слабости, быстро вышла въ сосѣднюю комнату, шумно захлопнувъ за собою дверь.

Она не имѣла силы сдерживаться долѣе, рыданія душили ее. Она упала на стулъ и, закрывъ лицо платкомъ, горько, по-дѣтски всхлипывая, расплакалась.

Печальный вернулся въ отель художникъ. Окатовъ былъ уже готовъ къ отъѣзду.

— Ну, что скажете на это?—спросилъ съ понятнымъ любопытствомъ Фейерабендъ.

— Гордая дѣвушка, цѣльная натура, — замѣтилъ Окатовъ, когда художникъ все ему разсказалъ, — а все-таки хорошо, что вы распугали силокъ и выпорхнули изъ него.

— Кто знаетъ? — неопредѣленно отвѣтилъ художникъ.

Скоро городокъ остался далеко за ними

КОНЕЦЪ.

Затишье.

Прозрачны небеса. Въ какой-то сладкой лѣни
Почіетъ старый лѣсъ, вокругъ бросая тѣни;
Звенящій по корнямъ извилистый ручей
Какъ-будто прячется отъ солнечныхъ лучей.
Затишье полное. Спокойно-молчаливы
Поникли колосомъ желтѣющія нивы;
Вдали околица селенія видна,
Но и въ селѣ все тѣ-жъ и лѣнь, и тишина.
Застыли облака... Въ полдневный зной отрадно
Сидѣть въ лѣсной глуши, гдѣ влажно и прохладно...
Ахъ, сколько промелькнетъ тутъ думъ и сновъ, и грезъ,
Безъ горя и тоски, безъ ропота и слезъ!
Но рвуся я туда, гдѣ плачетъ, стонетъ море,
Гдѣ свищетъ ураганъ сердитый на просторѣ,
Гдѣ, пѣняся, бѣжатъ косматые валы
И гдѣ пловцу грозятъ подводныя скалы.
Тамъ я спущу мой челнъ. Отважно, взмахомъ смѣлымъ
Направлю въ океанъ я бѣгъ по гребнямъ бѣлымъ
Клокочущихъ валовъ. Пусть вѣтеръ парусъ рветъ,
И море пѣнится, — я буду плыть впередъ.
Жалѣть не стану я о томъ, что здѣсь покинулъ;
Я зналъ, на что иду, куда челнъ утлый сдвинулъ—
Не для меня покой безстрастія и сна,
Довольство сытое и эта тишина!
Нѣтъ, нѣтъ! Пусть захлестнетъ меня волной кипучей,
Пусть стану жертвою стихіи я могучей —
Зато узнаю я опасность и борьбу,
И, какъ герой, умру безъ жалобъ на судьбу.

Е. И. Богославскій.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

XXIV.

АНФИСА Матвѣевна поѣхала вечеромъ въ Лѣсной къ Ѳедоровымъ, но и тамъ ей не удалось узнать причину разстройства внука. Впечатлѣнія „молитвы“ сгладились, и Арсеній попрежнему интересовался разговоромъ съ Дуней.

Работа въ дѣдовской фирмѣ понравилась молодому человѣку, онъ старательно изучилъ бухгалтерію и присматривался къ механизму сложной коммерческой машины. Елисей Петровичъ охотно посвящалъ его въ разныя детали торговли, и князь старался все понять и усвоить себѣ.

— Вотъ не ждала, Арсюша, чтобы ты къ нашему купецкому дѣлу пристрастился, — добродушно замѣтила Ухина внуку, заставъ его въ конторѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ особняка, — работай, дружекъ, вникай, все здѣсь твое, ты одинъ хозяиномъ послѣ меня станешь.

Громадное помѣщеніе конторы, все уставленное ясеневыми конторками съ массою работающихъ за ними писцовъ и бухгалтеровъ, представляло собою огромный муравейникъ, гдѣ каждый изъ этихъ мелкихъ работниковъ своей работою приносилъ извѣстную пользу фирмѣ. Торговля велась различными колоніальными продуктами, причемъ однимъ изъ главныхъ предметовъ ея былъ чай, покупкой котораго на нижегородской ярмаркѣ завѣдывалъ Елисей Петровичъ. Чаи-же, идущіе изъ Китая моремъ, кантонскіе и ханькоускіе поступали прямо изъ Одессы и изъ Лондона. Тутъ-же на дворѣ ухинскаго дома помѣщалась и склады для товаровъ, часть-же послѣднихъ лежала и въ таможнѣ.

Солидно сложенныя изъ кирпича кладовыя, крытыя желѣзомъ, тянулись по обѣимъ сторонамъ обширнаго двора. Глубокіе подвалы скрывали въ своихъ нѣдрахъ бочки съ деревяннымъ масломъ, мѣшки съ селитрою и другіе товары, оставлять которые на открытомъ воздухѣ было-бы опасно. На дворѣ постоянно, уже съ пяти часовъ утра и до вечера, царило оживленіе: грузились, разгружались подводы, виднѣлись ярасныя жилетки извозчиковъ, слышались присущая имъ ругань и громыханіе колесъ по каменной мостовой.

Заботливый старикъ Ухинъ пристроилъ для себя длинную стеклянную веранду, выходившую на дворъ, сидя на которой и занимаясь, онъ могъ всегда наблюдать за тѣмъ, что происходитъ на дворѣ.

Примѣру мужа, послѣ его смерти, послѣдовала и Анфиса Матвѣевна. Она цѣлыми днями просиживала на этой верандѣ, подсчитывала многочисленные отчеты и вела разговоры съ довѣреннымъ, не забывая бросать пытливые взгляды на дворъ. Вся эта галлерея-веранда была уставлена цвѣтами; представляя собою оранжерею въ миніатюрѣ; зимою она отапливалась и, благодаря этому, а также своему положенію на югъ, камеліи и рододендроны цвѣли очень долго. Зачастую Анфиса Матвѣевна и обѣдала здѣсь.

Повыше галлереи была устроена стеклянная вышка; въ свободное время по праздникамъ Ухина взбиралась туда. Видъ съ вышки былъ превосходный — оттуда было видно устье Невы, а въ подзорную трубу, висѣвшую здѣсь, можно было разсмотрѣть въ хорошую погоду очертанія Кронштадта. Здѣсь въ одиночествѣ старая купчиха любила предаваться размышленіямъ, обдумывать различные планы относительно будущей судьбы внука.

„Ужъ больно слабъ онъ характеромъ, совсѣмъ дитя малое, любой его вокругъ пальца обведетъ, — думала Ухина.—Трудно будетъ ему одному со всѣмъ дѣломъ справиться, одна надежда на Елисея; пока онъ живъ, подъ колесо камешекъ не попадетъ, а умретъ,—вздохнула старуха,—что тогда?“

И снова въ ея головѣ начали строиться всевозможные планы и предположенія.

„Нужно Арсюшу, пока я еще жива, женить. Поискать дѣвушку попроще, не изъ богатыхъ, которая, помимо того, что женой, нянькой для него была-бы, которую онъ любилъ-бы, слушался-бы... Да гдѣ такую найдешь?—снова задумалась она. — Ой, нашла, право, нашла!— чуть не вскрикнула отъ радости Анфиса Матвѣевна,—про Дуню-то Ѳедорову я и позабыла, а сама еще ихъ познакомила. Самая настоящая жена для него будетъ, только согласится-ли онъ?“

И вопросъ о продолженіи дѣятельности фирмы, соединенный съ женитьбой Арсенія, былъ рѣшенъ старой Ухиной.

Веселая отъ своего удачнаго рѣшенія, она спустилась внизъ съ вышки и пошла къ князю.

Августъ близился къ концу, но чудная лѣтняя погода продолжалась. Петербургъ еще ютился по дачамъ, городъ пустовалъ, никому не хотѣлось возвращаться въ душныя зимнія квартиры.

Ѳедоровы продолжали жить въ Лѣсномъ и Арсеній каждый день регулярно ихъ посѣщалъ. Онъ все больше привязывался къ Дунѣ, этой скромной, разсудительной дѣвушкѣ. Въ ея обществѣ онъ снова ожилъ; оскорбленное самолюбіе молчало, весенній романъ съ итальянкой вспоминался рѣже. Слабохарактерный князь, самъ того не замѣчая, подпалъ подъ вліяніе Евдокіи Семеновны. Онъ не повѣрилъ-бы, если-бъ ему это сказали, отрицалъ-бы что-либо подобное, а, между тѣмъ, въ дѣйствительности это было такъ. Цѣлый день, оставаясь у себя дома или въ конторѣ, онъ, несмотря на массу работы, скучалъ и томился, и, только когда онъ отправлялся вечеромъ, послѣ занятій, кататься верхомъ, къ нему возвращалось оживленіе, ему было весело и онъ быстро скакалъ къ Лѣсному, негодуя на длинный путь.

Анфиса Матвѣевна не нашла внука на его половинѣ.

— Его сіятельство отправились на прогулку,— важно отвѣтилъ на ея вопросъ Максимъ.

Ухина добродушно усмѣхнулась, слушая отвѣтъ камердинера.

— А не знаешь, куда внучекъ мой ускакалъ, Максимушка?

Максимъ еще больше преисполнился важностью. Какъ-же и не быть важнымъ, разъ его спрашиваетъ сама хозяйка-милліонерша?

— Доподлинно не могу вамъ ничего отвѣтить, Анфиса Матвѣевна, куда его сіятельство отправиться изволили!—глубокомысленно выпалилъ барскій слуга.

— Жаль, что ты не знаешь, Максимушка!—Ну, да авось я сама его поищу, такъ и найду,—насмѣшливо проговорила Ухина и велѣла заложить себѣ экипажъ.

„Поѣду къ Ѳедоровымъ, можетъ быть, тамъ его встрѣчу, а если его и нѣтъ тамъ, то все-же переговорю обинякомъ съ Дунюшкой, да и Семену Васильевичу намекну“,—рѣшила Анфиса Матвѣевна.

Скоро она ѣхала по дорогѣ въ Лѣсной, не переставая ни одной минуты обдумывать, какъ привести свою мысль въ исполненіе.

XXV.

— Я такъ и знала, что тебя здѣсь застану, Арсюша,—проговорила Анфиса Матвѣевна, входя на балконъ дачи Ѳедоровыхъ и замѣчая князя.

— Вотъ видите, Арсеній Николаевичъ,—пошутила Дуня, когда Ухина сѣла рядомъ съ Семеномъ Васильевичемъ и завязала съ нимъ разговоръ,—никуда отъ бабушки не скроетесь, вездѣ она васъ найдетъ.

Князь покраснѣлъ, точно школьникъ, пойманный въ шалости.

— Неужели вы думаете, Евдокія Семеновна, что я вѣчно хожу на бабушкиныхъ помочахъ?—сказалъ онъ слегка обиженнымъ тономъ.

Дѣвушка сразу замѣтила то впечатлѣніе досады, которое произвело на князя ея замѣчаніе, и со свойственнымъ ей тактомъ сумѣла смягчить тонъ.

Арсеній замѣтилъ эту деликатность собесѣдницы и не настаивалъ на своемъ вопросѣ. Онъ привязывался къ дѣвушкѣ все больше и больше, но, какъ нерѣшительный человѣкъ, никогда не осмѣлился-бы заговорить первый о своемъ къ ней чувствѣ.

Темный августовскій вечеръ спустился, но въ саду не было сыро.

— Скоро, скоро кончится эта благодатная погода,— замѣтила Дуня, прогуливаясь вмѣстѣ съ княземъ по дорожкѣ сада,— и придется снова перебираться въ противный городъ.

— Въ особенности для васъ онъ долженъ быть непріятнымъ: вы живете въ центрѣ его, на Гороховой; у насъ, на острову, не такъ замѣтны недостатки городской жизни.

— Вы сравнили вашъ особнякъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ мы нанимаемъ квартиру... у васъ, это—рай, мы-же живемъ въ какомъ-то пеклѣ.

— Вы бывали, Евдокія Семеновна, въ домѣ бабушки?

Дѣвушка засмѣялась.

— Когда была еще совсѣмъ малюткою, папа бралъ меня нѣсколько разъ съ собою къ вашей бабушкѣ; я помню, точно сквозь сонъ, какъ она набивала мои карманы разными сластями. Самый домъ не представляется мнѣ ясно...

— Я увѣренъ, Евдокія Семеновна, что вы посѣтите бабушку...

— Охотно, но только когда переѣдемъ въ городъ.

Молодые люди продолжали разговаривать въ саду, тогда какъ на балконѣ Анфиса Матвѣевна бесѣдовала съ Ѳедоровымъ, стараясь вывѣдать, что онъ думаетъ о ея проэктѣ; но старый ходатай по дѣламъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно.

— Такъ вы раздѣляете мое мнѣніе, Семенъ Васильевичъ, что Арсюшу нужно женить?

— Совершенно вѣрно изволите объ этомъ говорить, Анфиса Матвѣевна! Даже въ Священномъ Писаніи говорится: „не добро человѣку быть едину“...

— Это-то такъ, но какую дѣвушку найду я для него? Богатства внуку не надо, денегъ у него не мало, а послѣ меня еще больше останется, на весь его вѣкъ хватитъ...

— Совершенно вѣрно говорить изволите,—уклончиво отвѣчалъ Ѳедоровъ.

На его небольшомъ, сухощавомъ лицѣ съ сѣдыми бакенбардами ничего не выражалось.

Старуха Ухина не могла уловить ни тѣни настоящей мысли чиновника.

— Вотъ въ родѣ вашей Дунюшки дѣвушка, я думаю, подошла-бы Арсюшѣ... Какъ вы думаете, Семенъ Васильевичъ, а?

Ѳедоровъ, видимо, что-то обдумывалъ.

— Мало-ли невѣсть въ Петербургѣ для князя найдется? каждая охотно за него пойдетъ.

Ухина снова посмотрѣла на Ѳедорова.

— Слушай, Семенъ Васильевичъ,—серьезно произнесла старуха,—перестанемъ загадки другъ другу загадывать; давай на чистоту говорить.—Глаза старухи блеснули.—Видишь, въ чемъ дѣло,—и старуха передала свой проэктъ Ѳедорову.

— Пожалуй, вы правы, Анфиса Матвѣевна, дѣло-то совсѣмъ подходящее; за князя любая дѣвушка съ охотой пойдетъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, только... только...—старикъ, снявъ фуражку, отеръ платкомъ лобъ и рѣшительно проговорилъ:—только моей Дунюшки не уговоришь за вашего внука замужъ пойти.

Ухина отъ удивленія даже поднялась съ дивана; подобная мысль показалась ей смѣшною: какъ отказать богачу, князю да еще молодому красивому человѣку? Ничего подобнаго не ожидала услышать Анфиса Матвѣевна. Это было выше ея пониманія.

— Шутить, Семенъ Васильевичъ, надумалъ?—произнесла она,—стара я стала, голубчикъ, для шутокъ.

Ѳедоровъ поднялъ голову.

— Не шучу, уважаемая Анфиса Матвѣевна, не шучу, знаю я свою дочь, знаю достаточно, не пойдетъ

ПРЕДЪ БИТВОЙ ВСТАРИНУ. Оригин. рисун. **Н. Адамовича**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

она за вашего внука. Изъ гордости не пойдетъ. Сватались за нее женихи, не мало ихъ было. „Не пойду,—говоритъ,—папочка, за богатаго да знатнаго, чтобы онъ меня всю жизнь своимъ богатствомъ да именемъ корилъ. Встрѣчу человѣка бѣднаго, да по душѣ мнѣ, тому сама на шею брошусь“. Вотъ какая она у меня.

— Коли такъ, такъ я и ума своего не приложу, какъ быть.

— Поищите, уважаемая Анфиса Матвѣевна, другую невѣсту для князя, свѣтъ не клиномъ сошелся, найдется...

— Богъ вѣсть какая другая еще будетъ, а твоя дочка больше всего подошла-бы,—съ сожалѣніемъ сказала старуха.

— Что-жъ дѣлать, не судьба. Однако, пора намъ и домой,—и Ухина стала прощаться съ хозяиномъ.—Арсюша, гдѣ ты, дружокъ?—крикнула она сидѣвшему въ глубинѣ сада князю.

Молодые люди оживленно между собою разговаривали, когда Ухина позвала внука.

— Съ чего это, бабушка, сегодня такъ скоро домой собралась?—недовольно прошепталъ Арсеній,—я хотѣлъ еще сказать...—и князь замолчалъ.

Молчала и дѣвушка.

— Поѣдемъ-же, Арсюша,—послышался снова голосъ бабушки, стоявшей на ступеняхъ балкона,—иди скорѣе!

Князь нервно поднялся со скамьи, но вмѣсто того, чтобы идти къ балкону, обернулся къ своей собесѣдницѣ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Евдокія Семеновна, въ теченіе того времени, какъ я у васъ бываю, я узналъ васъ; вы, единственно вы можете сдѣлать меня счастливымъ на всю жизнь. Согласитесь сдѣлаться моею женою.

Лица Дуни не было видно въ эту минуту, но рука ея, остававшаяся въ рукѣ князя, дрожала; чувствовалось, что дѣвушка переживаетъ рѣшительную минуту.

— Вотъ моя рука, я согласна,—спокойно отвѣтила она на предложеніе князя.

Арсеній вскрикнулъ отъ радости и они вмѣстѣ быстро направились къ балкону.

— Бабушка,—весело проговорилъ онъ, подводя дѣвушку къ старухѣ,—вотъ моя невѣста.

Анфиса Матвѣевна повела отъ изумленія плечами и, обернувшись къ стоявшему рядомъ съ нею Ѳедорову, тихо замѣтила:

— Ну, Семенъ Васильевичъ, выходитъ, что я лучше тебя знаю человѣческое сердце.

(Продолженіе будетъ).

Разбитыя мечты.

Здѣсь, на землѣ, во тьмѣ безсилья,
Нѣтъ мѣста свѣтлымъ чудесамъ.
А бурей сломанныя крылья,
Насъ не поднимутъ къ небесамъ.

И рано-ль, поздно-ль, но уныло
Покинутъ гордыя мечты,
Какъ надъ заброшенной могилой
Дождемъ забитые цвѣты.

Ар. Селивановъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Лѣтнія картины. (Къ рис. на стр. 897.) Задача художника-пейзажиста состоитъ въ томъ, чтобы оттѣнить и показать зрителямъ въ своихъ произведеніяхъ истинныя красоты природы. Эта задача всегда удачно разрѣшалась нашимъ—увы! покойнымъ теперь — художникомъ Евг. Степановымъ. Его небольшіе рисунки всегда передавали большія красоты природы. При первомъ-же поверхностномъ взглядѣ на эти рисунки сразу чувствуется правдивость передачи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и настроеніе, которое можетъ вызвать только удачно выбранный пейзажъ. Вотъ хотя-бы эти лѣтнія картины. Развѣ при взглядѣ на нихъ не предаешься мечтаніямъ, не вспоминаешь о манящей прохладѣ лѣса, о привлекательной прогулкѣ по извивающейся среди него рѣчки? Не вспомнишь развѣ при взглядѣ на эти стоящіе въ полѣ снопы о своеобразной трудовой жизни деревни въ горячую лѣтнюю пору?

Предъ закрытой дверью. (Къ рис. на стр. 903.) Ихъ постигло несчастье, отъ котораго никто не застрахованъ. Компанія отправилась въ лѣсъ при хорошей погодѣ. Ничто не предвѣщало грозы и всѣ радовались удачно выбранному дню. Какъ вдругъ неожиданно грозно зашумѣли верхушки деревьевъ и одинъ изъ компаніи, вышедшій на полянку и взглянувшій на открывшееся ему небо, испуганно проговорилъ: «господа, собирается гроза!». Мигомъ компанія собралась въ кучку и поспѣшила во-свояси. Но было уже поздно. Еще два-три порыва вѣтра потрясли верхушки деревьевъ; затѣмъ на минуту наступила какая-то грозная тишина, и вдругъ какъ-то небо сдѣлалось сплошь чернымъ, блеснула молнія и полилъ дождь. Это случилось какъ разъ въ то время, когда компанія подбѣжала къ домику лѣсного сторожа, думая найти въ немъ временный пріютъ отъ непогоды. Но и здѣсь ихъ постигла неудача. Дверь домика оказалась запертою: сторожа не было дома. Замѣняющій его четвероногій сторожъ—такса набросилась на незнакомыхъ гостей со злобнымъ лаемъ и тѣмъ еще болѣе увеличила ихъ огорченіе.

Странная находка. (Къ рис. на стр. 905.) Она нарочно задумала подшутить надъ охотникомъ. Кому не извѣстны увлекательные разсказы охотниковъ о собственныхъ приключеніяхъ, въ которыхъ столько-же правды, сколько и въ повѣствованіяхъ знаменитаго барона Мюнхаузена. Этотъ охотникъ тоже не могъ воздержаться отъ того, чтобы при случаѣ не поразсказать кое-чего про свои охотничьи приключенія. Ей, этой красавицѣ, частенько приходилось слушать эти разсказы. «Боже мой, что-бы съ нимъ было, если-бы хоть немного изъ того, что онъ разсказываетъ, случилось съ нимъ на самомъ дѣлѣ»,—думала она. Подумала красавица и рѣшила устроить охотнику настоящее приключеніе. И вы видите теперь, какъ она выполняетъ свое рѣшеніе. А что-же охотникъ? Увы! онъ оказался очень ужъ настоящимъ «охотникомъ». Обнаруживъ «странную находку»,—положенные дѣвушкой среди лѣса шляпку и зонтикъ, онъ старается уже придумать «исторію» и заранѣе уже предвкушаетъ удовольствіе разсказать ее пріятелямъ, не сознавая даже того, что на этотъ разъ дѣйствительность для него гораздо заманчивѣе фантазіи.

На плотахъ. (Къ рис. на стр. 911.) Разнообразенъ народный трудъ въ Россіи. Сплавъ лѣса по нашимъ рѣкамъ и рѣчкамъ является одною изъ отраслей этого труда, и притомъ совсѣмъ оригинальной. Сплавщикамъ приходится «вести» плоты изъ связанныхъ между собою бревенъ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, не по одной рѣкѣ, а по цѣлымъ системамъ ихъ. Со всѣмъ «домообзаводствомъ» и съ семьями устраиваются сплавщики на плотахъ на цѣлое лѣто и, конечно, жизнь на этихъ оригинальныхъ «судахъ» является довольно своеобразною. Не мало и труда, и опытности требуется отъ сплавщиковъ, чтобы благополучно «провести» ввѣренный имъ караванъ плотовъ. Особенно опасно бываетъ «вести» плоты на крутыхъ заворотахъ рѣкъ, какъ это изображено на рисункѣ; малѣйшая оплошность здѣсь можетъ повести къ тому, что плоты, ударившись о берегъ, разобьются на отдѣльныя бревна. Это грозитъ опасностью не только для устроенныхъ на плотахъ жилищъ гонщиковъ, но и для жизни послѣднихъ.

Пѣснь. (Къ рис. на стр. 913.) Пѣснь! Свободная, она можетъ вылиться сразу отъ наплыва воспоминаній, отъ охватившей вдругъ сердце кручины, тоски или отъ радости. Не отъ

радости, конечно, запѣлъ слѣпой кобзарь пѣвецъ, а его пѣснь тоже свободна и вылилась сразу. Съ поводыремъ своимъ онъ подошелъ къ поставленному среди чистаго поля образу Того, Кто Своими страданіями далъ надежду міру на блаженство въ будущемъ, и невольно на старика нахлынули чувства. И полилась тогда его пѣснь, въ которой зазвучали и тоска, и грусть, и молитва. Даже привычный къ пѣснямъ старика поводырь изумился этому вдохновенію кобзаря и уставилъ свой любопытствующій взглядъ на него.

Предъ битвой встарину. (Къ рис. на стр. 92.) При взглядѣ на рисунокъ художника Н. Адамовича каждый невольно перенесется мыслью въ даль вѣковъ и вспомнитъ различныя бѣды и напасти, изъ которыхъ всегда съ честью выходила наша родина. Русскіе люди всегда крѣпко стояли за вѣру и честь. Съ вѣрою въ Бога, съ молитвою къ Нему шли они проливать свою кровь за отечество, и вѣра и молитва ихъ были не напрасны.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 29-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Лѣтній день.** Стих. Е. И. — **Любъ-трава.** Истор.-быт. ром. графа Е. А. Саліаса. (Оконч.) — **На окраинѣ.** Очеркъ Е. Лазореваго. (Оконч.) — **Затишье.** Стих. Е. И. Богославскаго. — **Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.) — Разбитыя мечты. Стих. Ар. Селиванова. — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Лѣтнія картины. Ориг. рис. Е. Степанова. — Предъ закрытой дверью. Съ карт. І. Альбрехтскихингера. — Странная находка. Съ карт. А. Неогради. — На плотахъ. Ориг. рис. Г. Бролинга. — Пѣсня. Ориг. рис. В. Муйжеля. — Предъ битвой встарину. Ориг. рис. Н. Адамовича.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Подъ страхомъ разоблаченій. Юмор. разск. Гулливера. — Галантный продавецъ. (1 рис.) — Вотъ это — любовь! (1 рис.) — Парикъ подвелъ. (4 рис.) — Избавленіе отъ опасности. — Контрасты. Стихотв. шутка Дяди Вани. — Приключеніе. (1 рис.) — Мозаика. — Географическая задача № 21. — Створчатая задача № 24. — Магическая фигура № 11. — Загадка № 22. — Магическій крестъ № 12. — Перестановка буквъ № 32. — Энстихозъ № 3. — Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 27.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Закупка провіанта у китайцевъ. (Съ 1 рис.) — Управляющій военнымъ министерствомъ А. Ѳ. Редигеръ. (Съ портр.) — Вице-адмиралъ А. Х. Кригеръ. (Съ портр.) — П. А. Ефремовъ. (Съ портр.) — Могила А. П. Чехова. (Съ 1 рис.) — Дѣтскія игры и занятія на воздухѣ. (Съ 4 рис.) — Безрукая дѣвушка. (Съ 1 рис.) — Встрѣча французской и англійской эскадры въ Брестѣ. (Съ 1 рис.) — Несчастье съ французской подводной лодкой. (Съ 1 рис.)

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:
изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Общеполезная библіотека „Родины“ 1905 г. Книга 7-я.

„МИНЕРАЛОГІЯ“.

Съ 46-ю иллюстраціями.

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека. Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНО УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ

„Новая школа каллиграфіи“,

посредствомъ которой очень легко въ короткое время научиться красиво писать, а главное,

СКОРОПИСЬЮ.

„Новая школа“ внѣ всякаго конкурса. Благодаря колоссальному распространенію, весь курсъ въ 5-ти отдѣлахъ продается

за одинъ рубль.

Огромный наплывъ отзывовъ и благодарностей многихъ лицъ за легкость и практичность „новой школы“, состоящей изъ 5-ти отдѣловъ, ниже подробно обозначенныхъ, само собою рекомендуетъ каждому мою методу, которая своею практичностью превзошла всѣ издаваемые до сихъ поръ самоучители каллиграфіи и скорописи. **САМОУЧИТЕЛЬ** состоитъ изъ 5-ти отдѣловъ и содержитъ въ себѣ слѣдующее: а) полное подробное руководство къ правильному письму прямолинейн., кругл. и полукруглыхъ буквъ съ литографированными примѣрами въ текстѣ и пробными прописями; б) изящно выполненный рисунокъ правильнаго держанія пера и расположенія пальцевъ; в) механическія элементарныя прописи, изящно выполненныя голубою краской, для обведенія чернилами и усовершенств. тверд. руки; г) руководство къ изученію заглавныхъ буквъ по вновь замѣч. упрощенной методѣ; д) элементы заглавной азбуки; е) полныя азбуки, заглавныя и строчныя; ж) практическія прописи крупныхъ и мелкихъ каллиграфическихъ шрифтовъ, исполненныхъ голубою краскою; з) полный курсъ изящной скорописи съ механическими прописями, исполненными голубою краскою; и) руководство къ обученію письму шрифтами рондо и готикъ и французскія и нѣмецкія четыре азбуки. ПРИ ТРЕБОВАНІИ налож. платеж. — 1 р. 30 к. съ пересылкою.

Самоучитель полнаго курса

двойной итальянской бухгалтеріи торгово-промышленныхъ операцій, на 121 стр., высылается за 1 руб.

Роскошный альбомъ монограммъ

русск. и француз. шрифтовъ и всевозмож. коронокъ и угловъ, весьма полезныхъ въ каждомъ домѣ, для мѣтки бѣлья и вышиванія гладью, высылается за **42** коп.

При одновременномъ требованіи налож. платеж. высылается съ пересылкой: „Новая школа каллиграфіи“, самоучитель бухгалтеріи и альбомъ монограммъ за 2 р. 50 к. — „Новой школы“ каллигр. и альбомъ монограммъ за **1 р. 60 к.**

Съ требованіями обращаться: 390

Полтава — Г. С. ИСКОЛЬДСКОМУ.

ТРЕБУЙТЕ И УБѢЖДАЙТЕСЬ!! **Только за 3 руб. 75 коп. 6 цѣнныхъ вещей.**

Кто желаетъ имѣть дѣйствительно прочные, вѣрные часы и недорого, тотъ пусть выпишетъ изъ нашего склада часы черные, ворон. стали, мужскіе, открытые, анкеръ (а не цилиндръ), съ вѣрнымъ и звучнымъ ходомъ, заводъ безъ ключа; 2) цѣпь шатленъ никкелев. изящной работы; 3) брелокъ такого-же металла; 4) портсигаръ никкелев. изящной работы; 5) карманный ножикъ заграничной работы; 6) предохранитель часовъ отъ порчи. Всѣ эти вещи высылаются, вмѣсто 8 р. 25 к., всего только за 3 руб. 75 коп. Пересылка за счетъ заказчика. Часы высылаются вывѣренные до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ, по полученіи заказа налож. платеж. безъ задатка. Адресовать: Экспортному дому Т-во „Діана“, Варшава, 1097-а. 228

Я былъ лысымъ.

Еще недавно я былъ совершенно лысымъ. Мой отецъ и дѣдушка были лысы. У моей матери отъ природы были рѣдкіе волосы. Я уже помирился съ мыслью остаться лысымъ, когда, во время экскурсіи по Швейцаріи, я познакомился съ пожилымъ ученымъ, который спросилъ меня во время разговора, не желаю-ли я

имѣть пышные волосы; сильно заинтересованный, я, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ разсказалъ мнѣ, что всю свою жизнь изучалъ химію и въ особенности занимался физіологіей волосъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ написалъ мнѣ рецептъ и горячо совѣтывалъ отдать его въ аптеку для изготовленія по нему мази. Я поспѣшилъ это сдѣлать, какъ только пріѣхалъ въ Женеву, и употреблялъ этотъ препаратъ короткое время. По истеченіи трехъ недѣль волосы мои стали расти. Часть помады я отдалъ двумъ родственникамъ: у одной изъ нихъ, дамы, почти не было волосъ. Въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ поразительный.

Съ тѣхъ поръ я продаю это средство съ позволенія ученаго, который сдѣлалъ открытіе. Я могу привести сотни примѣровъ успѣшнаго и сильнаго дѣйствія его на оба пола. Его преимущество состоитъ въ томъ, что оно чрезвычайно питаетъ кожу, усиливаетъ ростъ волосъ и укрѣпляетъ ихъ. 250

Я ручаюсь за то, что это средство не содержитъ никакихъ веществъ, могущихъ повредить волосы или кожу. Каждому читателю, который, ссылаясь на эту газету, пришлетъ мнѣ свой точный адресъ, 2 марки по семи копеекъ за пересылку и т. п., я тотчасъ вышлю для пробы небольшое количество этого средства совершенно безвозмездно, чтобы дать возможность убѣдиться въ дѣйствительныхъ его достоинствахъ.

Если Вы найдете, что волосы начинаютъ расти, я Вамъ охотно продамъ за недорогую цѣну достаточное количество.

Всѣ заказы исполняются въ возможно непродолжительномъ времени съ ручательствомъ за соблюденіе тайны. **Джонъ Кравенъ Берлей**, Москва, Неглинный проѣздъ, д. **84**, Купеческаго Общества.

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

Въ книжномъ складѣ журнала и газеты «РОДИНА»,

С. Петербургъ, Лиговская ул., соб. домъ, № 114, и въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая ул., д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, продается слѣдующее изданіе:

ПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗЪ.

Очерки историческаго прошлаго и современнаго положенія Кавказа. Большой томъ въ 664 страницы съ 157 рисунками. Цѣна въ переплетѣ **2** руб. съ перес.

Это сочиненіе, написанное нѣсколькими талантливыми авторами, открываетъ предъ читателемъ картину гигантской, почти легендарной борьбы русскихъ съ племенами, населяющими Кавказъ, борьбы, продолжавшейся болѣе ста лѣтъ и закончившейся полнымъ присоединеніемъ Кавказа къ Россіи. Эта борьба выдвинула на сцену массу героевъ войны, и повѣствованія о кавказскихъ войнахъ читатель найдетъ въ этомъ сочиненіи. Рядомъ съ исторіей сообщаются свѣдѣнія географическія и этнографическія, а такъ-же помѣщено описаніе Кавказа въ его современ. положеніи. Книга снабжена видами, портр., сценами битвъ и проч

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашняго употребленія. Образцовы въ конструкціи и исполненіи. Продаются только въ магазинахъ Компаніи Зингеръ.

Отпускъ машинъ съ платежомъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Безплатное обученіе шитью и моднымъ художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Машины съ высокимъ рукавомъ во всѣхъ нашихъ магазинахъ отъ **25 р.** 1000 соб. магазиновъ!

Магазинная вывѣска. Рисун. утв. Отд. пром. и торг. Мин. Ф.

Правленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 28, собств. домъ. 359

Фабричное клеймо, которымъ снабжены маши

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
КНИГЪ
для домашнихъ библіотекъ по особо
УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ
имѣется въ книгоиздательствѣ
А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

„ЭЛЕОПАТЪ“

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
Пров. КИНУНЕНА.

Для рощенія волосъ; усиленное употребленіе его останавливаетъ самое сильное выпаденіе волосъ к совершенно уничтожаетъ головную перхоть. Первое средство для волосъ, появившееся въ Россіи 27 лѣтъ назадъ, продолжаетъ пользоваться довѣріемъ публики и увеличивающимся спросомъ на него, несмотря на появленіе многочисленныхъ подражаній подъ тѣмъ или другимъ названіемъ. Брошюра д-ра Фридлендера, посвященная Элеопату, высылается всѣмъ желающимъ безплатно.

Адресъ для писемъ: Въ главный складъ Элеопата пров. КИНУНЕНА, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 173

ЛУЧШІЯ
ГИЛЬЗЫ

„ФИЛИГРАНЪ“
и
„ТРІУМФЪ“
ВСѢЧАЙШЕЙ ВЪ МІРѢ
ФАБРИКИ
ТОРГ. ДОМА
А. КАТЫКЪ и К°
МОСКВА

НЕСТЛЕ

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

Сгущенное • МОЛОКО НЕСТЛЕ.

ЧЕТВЕРТОЕ **дополненное** ИЗДАНІЕ.

НАШЪ НЕРВНЫЙ ВѢКЪ.

ПОПУЛЯРНОЕ СОЧИНЕНІЕ О ЗДОРОВЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ НЕРВАХЪ
д-ра фонъ Крафтъ-Эбинга. Спб., цѣна 1 р. съ перес.

СОДЕРЖАНІЕ. Введеніе: Нашъ нервный вѣкъ. Гл. I. Запасъ нервной силы и работа нервовъ. Питаніе нервной системы. Отдыхъ и дѣятельное состояніе.—Гл. II. Причины болѣзней нервовъ. Тѣлосложеніе, воспитаніе. Соціальныя отношенія. Нормальный образъ жизни.—Гл. III. Сохраненіе здоровья нервовъ.—Гл. IV. Предотвращеніе нервныхъ заболѣваній у расположенныхъ къ нимъ.—Гл. V. Формы нервныхъ болѣзней.—Гл. VI. Общія правила пользованія нервныхъ болѣзней. ПРИЛОЖЕНІЕ. I. Вмѣсто предисловія. II. Условія нормальнаго питанія нервной системы. III. Мясо, яйца и пр., молочные продукты. IV. Пищевыя растительныя вещества. V. О напиткахъ. VI. Возбуждающія вещества и проч.

Это изданіе, чрезвычайно обильное содержаніемъ, знакомитъ читателя въ общепонятной формѣ съ сущностью нервной системы и столь развитыми нынѣ ея заболѣваніями, говоритъ о причинахъ этихъ болѣзней и указываетъ мѣры, предупреждающія ихъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГИМНАСТИКА

и дѣтскія игры.

Для занятій въ школѣ и дома. Съ иллюстраціями (76 фиг.).
Врача Е. Н. Залѣсовой. С.-Петербургъ, цѣна ОДИНЪ руб. съ перес.

Эта книга является превосходнымъ руководствомъ для родителей и школьныхъ учителей, научая ихъ теоріи и практикѣ гимнастическихъ упражненій, столь необходимыхъ для физическаго развитія дѣтей. Приложеніемъ къ ней является отдѣлъ „Дѣтскія игры“, въ которомъ описываются интересныя для дѣтей и полезныя для ихъ здоровья подвижныя игры и забавы.

Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А Каспари: С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. домъ, № 114, и въ отдѣленія его главной конторы: 1) С.-Петербургъ, Садовая ул., домъ № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Сенсац. новость

„ФИГАРО безопасная бритва. Каждый этой бритвой можетъ бриться совершенно безопасно, даже на полномъ ходу поѣзда. Бритва эта изъ самой лучшей англійской стали. Болѣе 2.000.000 шт. въ употребленіи. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. Оптоворовничн. складъ Леонарди, СПБургъ, Пассаж., 53. Фирма сущ. съ 1867 г. Много благодарств. пис. Ручат. за каж. бритву. 377

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ
Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16, кв. 9.

БИЛЬЦЪ

ПЕРВОКЛАССНЫЙ САНАТОРІЙ
Dresden—Radebeul.

Проспекты безплатно. 3 врача, главный врачъ д-ръ медиц. Ашке. Чудная мѣстность. Успѣшные результаты леченія.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ!!
Туалетные часы съ зеркаломъ и музыкой.

Вы доставите много удовольствія себѣ, семейству и гостямъ, пріобрѣвъ самоиграющіе туалетные часы съ хорошей музыкой „Симфонія“, играющей очень громко и долго разныя красивыя и веселыя пьесы (вальсы, марши, польки, оперы, народн. пѣсни, какъ-то: „Боже, Царя Храни“, „Преображенскій маршъ“, вальсы: „Ожиданіе“, „Невозвратное время“, „За Дунай“, „Коль Славенъ“, „Камаринскую“, „Трепакъ“, „Возлѣ рѣчки“, „Евгеній Онѣгинъ“ и т. д.), со шлифованнымъ зеркаломъ парижск. выдѣлки, въ изящномъ полированномъ заграничномъ корпусѣ. Часы эти, кромѣ того, отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ часы вырегулированные до минуты, съ ручательствомъ за вѣрность хода и за непортящ. музыку на 6 лѣтъ, за налож. плат. безъ задатка. Цѣна вмѣсто 20 руб. только 6 руб. 75 коп. и 7 руб. 65 коп. Адресовать: Складъ часовъ Т-ва „УНИВЕРСАЛЬ“, Варшава, 18.

P. S. Для распространенія нашихъ часовъ прилагаемъ безплатно: 1) изящное кольцо съ фр. брил. или сапфиромъ, бирюзой, изумрудомъ, по выбору заказчика и 2) 1 металлич. календарь на 28 лѣтъ, показывающій: день, мѣсяцъ, число и годъ. Въ Азіат. Россію высыл. исключ. по полученіи 2 руб. задатка 278

Только за 3 р. 75 к.

высылаю налож. платеж. безъ задатка изящные и прочные карманные мужскіе откр часы изъ настоящаго французск. новаго золота „Вѣкъ“, 1-го сорта, непозолоченные, заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе—5 р. 50 к., 6 р. 50 к. и дороже. Дамскіе глухіе — цѣна 7 р. 50 к. Адресовать: Въ главный складъ французскихъ часовъ Михаила Якубовича въ Варшавѣ, Желѣзная ул., уг. Грибной—С. Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ. P. S. Премія: при заказѣ 5 шт. часовъ сразу прилагается 1 часы безплатно. Остерегайтесь поддѣлокъ. Обращ. вним. на марку „Вѣкъ“. 382

Дозволено цензурою. Спб., 9-го іюля 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.